19. [Иванъ царевичъ и царевна старушка].

1. Жилъ былъ царь. У царя было три сына; и потомъ онъ далъ *имя́* по стрѣлочкѣ: „куды ваши стрѣлочки полетя́тъ, туды́ и невѣстъ поѣзжайте сватать!“—Конешно, большáкъ стрѣлилъ, у ево въ правую сторону улетѣла стрѣлочка; середней стрѣлилъ, у ево въ лѣву улетѣла; а Иванъ царевичъ стрѣлилъ, у ево полетѣла прямо и *свильнула*— залетѣла въ *топучее* болото. На островкѣ тутъ небольшая избушка стоитъ; въ эту избушку заходитъ [Иванъ царевичъ]; сидитъ старушка, у старушки и стрѣлочка его: въ рукахъ дéржитъ. Иванъ царевичъ и думатъ: „неужели мнѣ таку старуху зàмужъ доводицца брать?“—А старушка отвѣча́етъ: „да, Иванъ царевичъ, видно тебѣ дово́дицца старушку взять!“

2. Иванъ царевичъ долго продолжа́лъ — стрѣлочку искалъ — и *гись* захотѣлъ. Старушка въ го́лбецъ спушпалась, достала яи́цъ и сметаны, набúла яи́цъ, *чирлу́* (въ родѣ яишницы, на сковородѣ зажарятъ, безъ хлѣба) исправила. Накормила и говоритъ: „Иванъ царевичъ, не опасайся! я вѣдь на времѐ старушка: день я ста́рая, а къ но́чѣ молодая живу́“.—Иванъ царевичъ и говоритъ: „исправься не на долго времѐ: я погляжу, какая ты молодая будешь?“— Она перебро́сила съ руки на́ руки кольцы и испра́вилась такая фре́йлина, што въ городѣ нѣтъ: насколько красива и всѣмъ вышла. — „Веди меня, — говоритъ: — домой: врéмѐ выйдётъ, такъ я буду завсегда молодая! а теперь мнѣ нельзя,—говоритъ:—всѐ таки я буду старуха доку́дова“.

3. Приводитъ онъ домой. Бра́тьи по́брали невѣстъ хоро́шихъ, а онъ привёлъ старуху. Бра́тьи усмѣхнулись и невѣстки *и́хи*, и царь усмѣхнулся надъ старухой: ково́ онъ привёлъ. Царь и говоритъ: „стало быть, ето моѐ недоумлѣнье: стало быть залетѣла стрѣлочка, ему и приходицца ее́ сватать! надо бы добро́мъ здѣлать! (Я виноватъ здѣлался). Не́чево смѣяцца!“ — Иванъ царевичъ говоритъ: „тятинька, мнѣ особу комнату нужно: братьи будутъ надо мной усмѣхацца, въ одной комнатѣ не буду я жить“.—Царь приказалъ: „которая тебѣ комната *загля́нецца*, въ той и проживайся!.. Пове́черу приходи́те ко мнѣ, я вамъ зада́чу зада́мъ!“

4. Далъ онъ *имя́* муки первова сорту поровна́ку: „которая у васъ невѣстка лучше хлѣбъ испекётъ?“—Потомъ онѣ приносятъ, отдаютъ своими невѣстками. Посылаютъ хорошіе невѣстки служанку: „сходи къ старушкѣ, посмотри, какъ она будетъ притворъ дѣлать: она постарше насъ, лучше испекётъ хлѣбъ.“ — Приноситъ она холодней воды, налила́ въ ква̀шню, потомъ муку́—не сѣяла, ничево́—бухъ въ ква̀шню, размѣшала въ притво́ръ. Отслони́ла засло́нку, по всёй печѣ разлила́ и говоритъ: „испекись што́бы мой хлѣбъ бѣлой и ры́хлой и ску́сенъ! поутру́ што́бы былъ готовъ!“ (А печь не затопля́ла, въ холодную печь разлила).— Служанка усмотрѣла, сказываетъ: вонъ она какъ сдѣлала! Онѣ усмѣхнулись, што въ холодней избѣ не должно́ испекчи́сь. А тѣ невѣстки такъ изла́дили, какъ до́бры люди пекутъ: съ вечера̀ ква́шню изладили, а поутру́ затопля́ли печь. Поутру́ старушка вынимаетъ хлѣбъ, въ скатёрочку завёртываетъ, подаетъ Ивану царевичу.

5. Приходятъ всѣ трое. Подаётъ *больша̀къ на́перво* булку свою. Царь взялъ булку въ руки и говоритъ: „да, — говоритъ: — ету булку голода̀юшшій, если три дня не ѣлъ, такъ поѣсъ“; настоль эта булка тижела́, отду́лася верхняя корка, нижняя сожжо́на, а въ серёдкахъ пустота (не укисла). — Также и середней сынъ подаётъ, и у тово оказалась е́така же булка. „Коγды́ солдаты голодьніе сдѣлаюцца, тогда солдата̀мъ *ись*, а не мнѣ!“— Иванъ царевичъ розвёртываетъ свою булку, подаётъ родителю. Наско́лько ево хлѣбъ показа̀лся бѣлъ и ле́хкой, рыхлой; царь сказалъ: „вотъ ето хлѣбъ! етотъ хлѣбъ—только придти отъ обѣдни, съ хорошимъ людя́мъ чайку попить съ этѣмъ хлѣбомъ. Старушка хорошо испекла! Знать-то она мнѣ будетъ милая сно́шка!“

6. Царь выдалъ *имя́* полотна̀ по-ровна́ку: „пушай къ утру онѣ изготовятъ мнѣ по рубашкѣ: которая сошьётъ лучше рубашку?“ — Приноситъ Иванъ царевичъ, подаётъ своей старушкѣ полотно. Тѣ посылаютъ служанку: „поглядѝ, какъ она будетъ крои́ть!“ — Старуха полотно взяла, вышла на пора̀тное крыльцо, изорвала́ ево все въ ле́нточки, на всякіе клинышки. Сказала старуха: „подыми́тесь, вѣтры буйные, и унеси́те всѣ кли́ньи по бѣлому свѣту, што́бы я́ на ето полотно и не глядѣла! (Шить не охота ей). А предоставьте по утру́ рубашку, штобы рубашка была готова!“

Служанка приходитъ, невѣсткамъ обска́зыватъ, што „она изорва̀ла на мелкіе кли́ньи и велѣла бурѣ̀ подня́цца, унести клиньи, а сама не шьётъ“. — А онѣ наня́ли такихъ служанокъ, штобы сшить на маши́нкѣ, поутру́ штобы было готово. Утро подходитъ; рубашка у старушки готова; завернула́ её въ полотняну скатёрочку: „на, Иванъ царевичъ, неси!“

7. Приносятъ всѣ трое. *На́перво большáкъ* подаётъ свою рубашку. Глядитъ на ету царь рубашку: „насколько на́косо сшито и неро́вно обрублено! ето только рабочему носить, а не мнѣ“. — Середней подаётъ: „это рабочему не въ воскре́сной день надѣвать, а только въ будни носить её: рубашка совсѣмъ неудо́бная“.

Иванъ царевичъ подаётъ. Вывёртываетъ царь рубашку и говоритъ: „вотъ ето рубашка! только идти когда въ церковь Христово причасье принять, а дома не носить её; сши́та, нигдѣ и сши́вку (сши́вочку) нѣту, какъ отлита̀я!.. Завтра я изла̀жу обѣдъ, а на обѣдѣ скажу, которая моя ми́лая сно́шка... Завтра поутру́ прибудьте ко мнѣ на обѣдъ всѣ тро́ё съ жена́ми!“ — Иванъ царевичъ приходитъ, похвалилъ свою старушку, што „ты не уда́рилась въ грязь лицо́мъ, отцу́ понра́вилась твоя рубашка“.

8. Старушка говоритъ: „Иванъ царевичъ, ты севодни одинъ ночуй, я отпра́влюсь, а завтра поутру пріѣду въ каретѣ съ гонца́ми (съ *фале́торами*, значитъ); ты меня встрѣчай!“ — Поутру было зака́зано енераламъ притти въ гости, постороннимъ и своимъ дитя́мъ. Всѣ сходяцца, а у Ивана царевича всё еще нѣтъ жены, не пріѣхала ево старуха. Вдругъ она пріѣзжаетъ въ золотой каретѣ и съ фале́торами. Выбѣга̀лъ царь и встрѣчалъ самъ. Иванъ царевичъ выходилъ на *дворе́цъ*, встрѣчалъ и сказалъ, што „не нужно, тятинька, тебѣ стрѣчать: это моя старушка ѣдетъ!“ — *То* онъ её по́дъ руки изъ кареты при́нялъ, Иванъ царевичъ; заходятъ съ имъ въ оте́ческое зало.

9. Садились онѣ всѣ за пристóлъ; начинаютъ *на́перво* пирогъ кушать. Мясо она ѣла, а кости за ошла́гъ клала. И тѣ невѣстки также: кушали, а кости за ошлаги́ кла́ли: „што́ она дѣлаетъ, то и мы будемъ дѣлать!“—*То* послѣ пирога̀ начали *хлеботню́* хлеба̀ть; старушка не дохлебнётъ, да за ошлага̀ льётъ. И тѣ невѣстки ли́ли, а у нихъ изъ рука-

вовъ бѣжи́тъ (а у старушки не бѣжитъ). Тогда старушка сказала: „Всё у тебя, тятинька, хорошо́, а одно не исправно“.— „Што, ми́ла дочь, у мена не исправно? Скажи!“ — „У тебя вотъ кругъ до́му са́ду нѣтъ; нужно бы садъ хоро́шой устроить и въ саду сдѣлать прудъ и въ пруду пусти́ть рыбу; хорошое бы тутъ было су́дно, штобы мы на этѣмъ суднѣ поплавали, покатàлись; а рыба будетъ играть—намъ любопытно... Если ты прикажешь, я сейчасъ испра̀влю“. — „Ну, мила дочь, исправь!“

То она махнула изъ лѣвова ошлага: „кругъ дворца очудись садъ и въ саду прудъ и въ пруду сдѣлайся рыба!“ Правымъ ошлаго́мъ махнула: „рыба въ пруду штобы игра́ла и штобы судно было испашо́но — намъ покатàцца въ пруду!“—Такъ и сдѣлалось—исправился садъ и всё какъ есь. А бра̀тьины невѣсты: „это што! мы можемъ и сами ето сдѣлать!“ — Ну-ко изладьте!“ сказалъ царь. — Махнули онѣ также лѣвыми ошлага́ми, брызги полетѣли ихъ мужевьи́мъ въ ры́ло и царю. — „Што вы дѣлаите? Всѣ намъ глаза вы́хлестали и рубахи осквернѝли!“—То онѣ махнули правыми руками, ошлага̀ми, изъ *и́хнихъ* рукавовъ полетѣли кости прямо мужьи́мъ въ глаза́. Сказали *и́хни* мужьи́: „стало быть, вы безумные! Што вы дѣлаете? Гдѣ вамъ такъ сдѣлать, какъ она дѣлать?“

Выходятъ изъ пола̀тъ, садяцца на су́дно, начали ѣздить по́ пруду, а рыба начала̀ играть-побулькивать. Любопытно сдѣлалось царю и во́всё залюбѣлъ старушку, што хорошо исправила. — „Завтра, Иванъ царевичъ, приходи́ поутру ко мнѣ со своей женой: жить мы будемъ съ тобой въ одной ко́мнатѣ“.

10. Старушка когда снимала съ себя пе́рстень да за *печурокъ* кла̀ла, дѣлалась молодая. Тогда онъ усмотрѣлъ, Иванъ царевичъ; какъ присну́ла она крѣпко, ставалъ съ постели, нашолъ етотъ перстень, унёсъ ево—въ море бросилъ. А етотъ перстень, только какъ онъ бросилъ, то нечистой духъ схватилъ ево и унёсъ далёко, въ тридеви́тое государство. Поу́тру хвати́лась, — въ *печуркѣ* перстня нѣтъ. Старуха Ивану царевичу объяснила: „скоро бы мнѣ молодой быть вре́мё; теперь, Иванъ царевичъ, прошшай! ты отъ ро́ду меня не уви́дишь!“ — Иванъ царевичъ сказалъ: „во мнѣ богаты́рская есь сила! я могу тебя розыскать всё-

таки, увезти́ домой, только скажи, куды уѣдешь?“ — Сказала ему старушка: „очень тебѣ трудно меня доставать! я отправлюсь къ чудо́вишшу морско́му въ тридевя́тое государство“.—*То* она вы́шла на поратное крыльцо, уда̀рилась, сдѣлалась *голуби́хой* и полетѣла. Смотрѣлъ онъ только, въ котору сторону она полетѣла.

11. Иванъ царевичъ взялъ денегъ съ собой на дорогу и отправился ие́ розыскивать. Ѣхалъ онъ моря́ми и лѣса́ми, много продолжалъ вре́мя. Пріѣзжаетъ въ тридевя́тое государство, заходитъ въ дикой лѣсъ, въ *ура̀лъ*. Идётъ *ура̀ломъ;* нечаянно приходитъ: стоитъ избушка, а въ етой избушкѣ живётъ старушка. Старушка увидѣла ево: „Фу-фу, нечаянной госьть ко мнѣ прибы́лъ, Иванъ царевичъ, да́льной госьть! Куда *те* вѣтры понесли, Иванъ царевичъ? скажи ты мнѣ правду!“ — Старухѣ онъ отвѣтилъ: „ты, ба́ушка, напо́й, накорми, *тожно́* у меня вѣстей распроси!“—Старуха наташшы́ла ему жаренова и паренова, всякова *бисе́рту*, што онъ такой пишшы и дома ма́ло ѣда̀лъ. Напился, наѣлся, поблагодарилъ старуху, што хорошо накормила. — „Вотъ, родна́я ба́ушка! убрала̀сь отъ меня невѣстка неизвѣстно куды́. Хоть бы мнѣ узнать, куды она отправилась: разыскать я не могу ие́“.

Старуха ему отвѣтила: „не нужно бы тебѣ бросать въ море перстень! это моя племянница, она теперь у чуда морскова живётъ; у нево есь много богатырей и *си́лы*, онѣ тебя ко́нчатъ. Если у тебя бы есь сила, у меня есь такой *мячъ*: етотъ *мячъ* нужно только поднять, да махнуть имъ — такъ всѣхъ замете́тъ“.—Передъ старухой сталъ Иванъ царевичъ на колѣнки, сталъ усердно старуху просить. Старуха: „ну, *тупай* жо ты, возьми мой мечъ! я вотъ спушшу клубо́къ, ты ступай за нимъ, по клубочку дойдёшь!“—Она клубо́чикъ спустила, онъ побѣжалъ за клубо́чкомъ съ етѣмъ мечёмъ.

12. Приходитъ къ етому дому. Выходитъ чудовишшо съ богатыря́ми и съ *силой* — Ивана царевича побѣдить. Иванъ царевичъ какъ подня́лъ мечъ, какъ хлеснулъ, у ихъ улицу далъ, махнулъ въ другую сторону—замёлъ и оста̀вшихъ. Подхо́дитъ *къ* до́му, а у до́му не могъ дверей найти́. *То* онъ свой *мячъ* подня́лъ, махнулъ етѣмъ *мячёмъ* по стѣнѣ, оказалась ево невѣстка — сидитъ во стулѣ посере́дь по́лу.

Сидитъ она очень хорошей красавицей; теперь она будетъ навсегда́ хороша́. Дѣвица увида́ла ево.—„Ахъ, мой ладушка, Иванъ царевичъ! умѣлъ зайти къ моёй тёткѣ, пособила она твоёму горю!“—Она съ руки на́ руку перебро́сила ко́льцы, сказала, што „будь теперь здѣсь ла́гири, въ ла́гиряхъ штобы самова́рчикъ, жа́ренова и па́ренова—штобы было намъ чево покушать!“—*То* онѣ понаѣлись, понапились.

13. Послѣ етова она перебро́сила съ руки на́ руки кольцы и сказала: „слуги мои, испра́вьте мнѣ такой корапь, штобы онъ могъ идти моря́ми и бѣгать лѣса́ми—гдѣ мнѣ принадле́житъ. Пріѣзжаетъ къ тёткѣ, отдаётъ мечь и благодарили тётку. Тёткѣ она сказала, што „я прибуду въ руське государство, позову васъ въ гости—милости просимъ, пріѣзжай, не посупорствуй!“—Роспростилась съ тёткой.

14. Пріѣзжаютъ на этѣмъ кораблѣ въ руське государство. Явился къ отцу во дворецъ съ женой. Родитель выходилъ стрѣчать.—„Ахъ, мой Иванъ царевичъ! досталъ себѣ невѣсту хорошую, а невѣстку, видно, потерялъ!“—„Нѣтъ, тятинька родной, это самая старушка, а теперь она у меня красавицей навсегда́ будетъ! теперь ей времё вы́шло старушкой жить! Теперь, тятинька, нужно сдѣлать пиръ на весь міръ!“

15. Ивана царевича жена послала ко своимъ родителямъ и къ тёткамъ, штобы были на бу́дущшей день въ гости. Со всѣхъ странъ съѣзжаютца; а какъ у Ивана царевича пріѣзжаютъ госьти,—всѣхъ лучше ло́шади и сами *со́браты*—всѣхъ лучше на нихъ одежда. Залюбѣлъ царь ево гостей всѣхъ лучше. *То* онѣ двое сутки кути́ли, а на третьи всѣ розъѣхались.

Стали поживать всѣ, какъ есь; Царь оставилъ тогда Ивана царевича со своей жо́нкой въ свое́й ко́мнатѣ.

---

20. [Иванъ купеческій сынъ и Елена поповская дочь].

1. Жилъ былъ купецъ. У ево сынъ былъ одинъ; звали Иваномъ. У ево завѣшшанье было такое: напра́вилъ онъ стрѣлочку: „куды́ эта стрѣлочка залети́тъ, тутъ и сватать станемъ“.—Она залетѣла *къ* попу́. Потомъ пришолъ купецъ сватать *къ* попу: „Съ добрымъ словомъ—за сватаньемъ!“—